

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ: РАЦИОНАЛЬНЫЕ И ТРАНСИНТЕЛЛИГИБЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Самая существенная для всей философии методологическая проблема, требующая своего решения и в аксиологии, – это диалектическое сочетание рационального и трансинтеллигибельного элементов познания. Рациональность, придающая решающее значение мышлению, многообразна по своим формам, одной из которых является научная рациональность. Для последней характерно «понятийное творчество», работа с идеализированными объектами, акцентирование внимания на собственно познавательной стороне постижения мира, а не на эмоциях, страстях, личных мнениях. Научному познанию и его приемам противопоставляются внеинтеллектуальные, интуитивные, образно-символические способы постижения ценности. Процесс познания находит свой окончательный предел в границе познаваемости. За этой границей начинается непознаваемое, трансинтеллигибельное (часто ошибочно называемое в философской литературе иррациональным). Трансинтеллигибельное находится вне сферы человеческого разума. Оно есть нечто, находящееся за пределами науки, алогическое или неинтеллектуальное, несоизмеримое с рациональным мышлением или даже противоречащее ему. Трансинтеллигибельное рассматривается в теории познания диалектического материализма как нечто еще непознанное, но принципиально познаваемое.

Рациональное познание имеет целью постижение чего-то нерационального. Мы полагаем, что действительная цель этого рационализма – познание границ рациональности. Каждый, кто действительно рационален, неизбежно приходит к точке, где чувствуется трансинтеллигибельное. Двигаясь к окончательному с помощью рассудка, рано или поздно человек чувствует эту границу. Ее чувствовал А. Эйнштейн, ее чувствовал Л. Витгенштейн. В «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн очень логично говорит о бытии; его выражения, слова, язык – все рационально, но далее он говорит: «Есть вещи, о которых – есть точка, начиная с которой – нельзя ничего сказать, и я должен молчать об этом... О чем нельзя говорить, о том следует молчать» [1].

В настоящее время усиливается интерес к проблеме трансинтеллигибельного, то есть того, что лежит за пределами досягаемости разума и недоступно постижению с помощью известных рациональных средств, но вместе с тем все более укрепляется убеждение в том, что наличие трансинтеллигибельных пластов в человеческом духе порождает ту глубину, из которой появляются все новые смыслы, идеи, творения. Взаимопереход рационального и трансинтеллигибельного – одно из фундаментальных оснований процесса познания. Однако значение внерациональных факторов не следует преувеличивать, как это делают сторонники иррационализма. Например, в феноменологической аксиологии Шелера сущность ценности раскрывается в интуиции. Он категорически отрицает возможность выяснения сущности вещей и явлений на основе индуктивного и рационального познания и настойчиво подчеркивает бессилие разума. Также и у Н. Гартмана в ценностном познании постулируется иррациональная интуиция чувства ценности, которая устанавливает единство между субъектом и идеальной сферой ценностей. Он находит ценности на основе феноменологического метода в свидетельстве «феноменов ценностного сознания», в априорно-интуитивном чувстве ценности. Первичное эмоциональное сознание ценностей объявляется единственным опорным пунктом, последней инстанцией достоверности. Трансинтеллигибельной по сути своей является и большинство восточных философско-религиозных подходов к ценности. Например, в классической йоге Патанджали говорится об «интуитивном озарении, которое приводит к всеведению», «Йога есть прекращение деятельности сознания». Банкэй, учитель дзэн-буддизма, раскрывает суть этого учения следующим образом: «Мое учение предназначается для того, чтобы заставить людей проникнуть за пределы слов», «сознание Нерожденного безошибочно распознает красивое и уродливое, не порождая при этом ни одной мысли», «мыслью» мы называем то, что уже отделилось от живой реальности» [2]. В учении Банкэя нет каких-то четко установленных целей, которых можно было бы достичь. Нет зависимости от слов «ка-

кого-то» Будды или патриарха. Есть только прямое указание без всяких мыслительных процессов. Поскольку в нем нет ничего, за что можно было бы ухватиться, говорит Банкэй, многие люди не могут постичь его. И именно люди образованные испытывают наибольшие затруднения в постижении моего учения. Они спотыкаются о свои знания и о свою привычку применять их ко всему, с чем они сталкиваются.

В интуитивном же познании ценности Шелера и Гартмана хотя и отрицается разум, но их философские концепции являются рационалистической интерпретацией ценности, допускающей на рациональных основаниях существование положительных и отрицательных, объективных и абсолютных ценностей. Патанджали же, наоборот, утверждает, что озарение и всеведение выводят человека за рамки рационального и трансинтеллигибельного ценностного подходов, рассматривая в последних мыслительную оформленность и обусловленность. Хотя в основе и первого и второго подходов лежат признания ими трансинтеллигибельных начал, но результаты достижения человеком необусловленной свободы и душевного покоя оказываются диаметрально противоположными: в первом случае интуиция позволяет тем же субъектно-объектным способом обнаружить ценности, так как первоначально допускается в качестве объекта познания (достижения) бытие ценностей, а во-втором – благодаря озарению, интуиции, человек сам как бы становится самой ценностью, преодолевая дуальное субъект-объектное видение мира и воспринимая мир и себя как единое целое, то есть он осознает условность ценностного, оценочного деления вещей, явлений на оценочное «хорошо» или «плохо», «ценно» или «неценно».

Корень, основа всех затруднений, возникающих на пути осмысления ценности, заключается в склонности человека рассматривать противоположности, возникающие из-за дуальной природы ума, как непримиримые, полностью разделенные, взаимоисключающие друг друга и существующие по отдельности. Эти противоположности полностью неразделимы и обоюдозависимы по той простой причине, что одно (субъект) не может существовать без другого (объекта).

Все противоположности полярны. Ни одна из двух противоположностей не могла бы существовать без другой. Лао Цзы так красиво сказал об этом: «Как только вы говорите о красоте, тут же появляется уродство, как только вы

говорите о добре, тут же появляется зло». Так что если человек будет осознавать это, то он поймет, что все в феноменальном мире является взаимосвязанным, нет ничего, что бы было полностью отделенным от противоположностей. Тогда человек осознает, что в мире нет ничего, что могло бы быть обособленным.

Другими словами, высказывание Лао Цзы обращает внимание на тот факт, что все противоположности в феноменальном мире полярны, одна не может существовать без другой. Другими словами, если человек думает о красоте и хочет, чтобы красота оставалась все время, поймет, что когда он думает о красоте, уродство уже там. И в этом изменении, которое происходит в человеке постоянно, в одно и то же мгновение присутствует и красота, и уродство. То, что считается красивым сегодня, в другое время может казаться некрасивым. Разочарование будет преследовать человека до тех пор, пока он будет желать чего-то, независимо от того, хочет он миллион долларов или просветления, здесь качественно никакой разницы нет.

Когда мы говорим «просветленный человек», следует помнить, что вообще нет такого существа, как «просветленный человек». Так что вопрос о мотивации не возникает. Размышляющий ум мудреца давно уничтожен. Размышляющий ум – это «Я», эго. Все его действия являются спонтанными. Ум не вмешивается прежде, чем происходит действие. Это мы и имеем в виду, говоря, что действия мудреца не обязательно должны отличаться рассудительностью или логичностью. Это естественное, спонтанное существование. Здесь также нет того, кто проживает спонтанную жизнь, есть лишь само спонтанное существование.

Жизнь всегда естественна и спонтанна. Но обычный человек думает, что он действует, и поэтому чувствует свою ответственность. Он верит, что может изменить мир. В конце концов он обнаруживает, что того контроля, который, как он думал, он имел над событиями, просто не существует. В процессе обретения понимания он сталкивается со множеством трудностей и изменений, с тем, что он называет несчастьем. И в эти периоды несчастья вместо того, чтобы осознать, что все произошло спонтанно, само по себе, и что изменение является самой основой существования, он думает, что для того, чтобы стать счастливее, он должен усовершенствовать самого себя. И он начинает заниматься на различных курсах самосовершен-

ствования. Конечно же, когда эти курсы дают лишь какие-то ограниченные результаты, следует дальнейшее разочарование.

События всегда находятся вне контроля отдельной сущности. Но человек не понимает этого. Он привык верить в то, что он может контролировать или выбирать. Он считает, что имеет выбор в принятии решений и в действиях, поэтому он продолжает оставаться несчастным. Просветление просто означает, что достигается осознание всего этого.

Спросить, кто есть этот выбирающий, видящий или верующий, значит поднять экзистенциальный или религиозный вопрос. В этом заключается начало субъективной науки, свободное от рационализирующего элемента познания. «Вопрос о смысле бытия» или о Боге – это не экзистенциальный или религиозный вопрос. Экзистенциальный вопрос в следующем, кто есть тот познающий, видящий, то есть познающий, смотрящий на свои мысли, эмоции, на людей? Кто есть тот познающий, смотрящий, спрятанный за всем этим субъектно-объектным осмыслением? Философы, теологи и психологи по-разному подходят к этому основному вопросу. Они пытаются решить эту проблему так, как она им представляется – объективно, на рациональной основе. Они берут вопрос так, как его задают, и пытаются на него ответить исключительно рациональным способом.

Мы должны докопаться до источника, в котором эта проблема возникает, и посмотреть, как она вообще возникает. Когда у нас появляется вопрос «Кто Я?» или «Где Я?», вместо того, чтобы принять вопрос как таковой, мы идем к тому, кто задает этот вопрос. Поэтому вопрос теряет свой абстрактно-объективно-философский характер. Тогда появляется подлинно экзистенциальный характер. Вопрос никогда не следует отделять от того, кто его задает. Покуда такое субъектно-объектное разделение, основанное на рациональном мышлении, существует, спрашивающий не сможет прийти к источнику, то есть к самому себе, к самопознанию. Вопрос этот вообще возникает только тогда, когда спрашивающий отделяет себя как реальность. Он стоит в стороне как познающий к познаваемому и задает умственный вопрос: «Кто Я?». Философ, стремясь познать самого себя всеми имеющимися в наличии рациональными способами, ставит самого себя как познающего элемента вне самого себя и размышляет над собой субъектно-объектными терминами,

задавая различные вопросы. Философ живет в самом себе (источнике) и, когда он отделяет себя (как познающий) от самого себя, спрашивая о нем, он приходит к тому, что покидает себя и теряется. Действительно, для Сартра быть экзистенциалистом означает видеть назначение человека в изобретении и расшифровке себя. К сожалению, Сартр предлагает отделить вопрос от спрашивающего. Однако такое отделение вопроса от спрашивающего, основанное на субъектно-объектном видении, для интеллектуала является совершенно естественным. Такое разграничение на субъектно-объектные отношения никогда не приводит к решению экзистенциальных вопросов, а наоборот, уводит мыслителя еще дальше от этого решения, породив «слова», «слова» и еще бесконечно много раз «слова».

Решить экзистенциальный вопрос означает быть единым с вопросом. Когда это единство имеет место, оно само дает ответ: здесь нет ни спрашивающего, ни вопроса. Вопрос решается сам собой. Именно таким образом должен подходить мыслитель к решению проблемы «Кто Я?», что и означает, что когда спрашивающий перестает отделять себя от вопроса и сливается с ним, будучи не-два, раскрывается для него сам источник или реальность или, точнее, он становится этой реальностью. В этом раскрытии отсутствует разделение на субъект и объект во времени.

Исследование себя через призму субъектно-объектных отношений порождает вопрос, а интеллект ответить на него не в состоянии, потому что природа умственного ответа такова, что за ним с необходимостью следует целая серия других вопросов и конечного ответа мыслитель никогда не получит. Любой так называемый «ответ» является относительным, рациональным, односторонним, логическим, частичным. Такой ответ иллюзорен.

Умственный ответ всегда остается интеллектуальным и никогда не затрагивает само человеческое существо. Интеллект всегда бросается из одной крайности или противоположности в другую, что и порождает ложное ощущение чего-то нового. Так, западная философия и психология, будучи рациональными порождениями, в основе своей являются всего лишь терапевтическими. Они пытаются помочь человеку «подрегулироваться» психически и душевно, но не являются трансцендирующим фактором, они не позволяют выйти за пределы ума,

ибо на это они не способны в силу рациональности, рассудочности их основания. Они не понимают, что сам ум в основе своей является болезнью. Пока человек не выйдет за пределы ума, он никогда не будет ментально и психически здоровым.

Человек, отождествленный со своим умом, сам по себе является болезнью. Это не означает, что его ум расстроен. Сам ум является расстройством. Если ум болен, то его болезнь можно вылечить, но если сам ум является болезнью, то нельзя ее излечить. Можно выйти за пределы этой болезни, превзойти ее, трансцендировать, но излечить ее нельзя.

Западная психология считает, что ум может быть здоровым, что уму, как таковому, можно помочь, можно его излечить, потому что для западного мышления не существует трансценденции, выхода за пределы ума, как будто за пределами ума ничего не существует. Раз за пределами ума нет ничего и ум сам является венцом творения, то трансценденция невозможна.

Если исследователь действительно считает на основе научных данных, что он всего «ум-тело» (хотя в действительности оно есть всего концептуально понятное «ум-тело»), то он не сможет осуществить трансценденцию за его пределы, потому что кто и куда он будет трансцендировать? Если человек просто есть тело, то он не сможет выйти за его пределы. Если он может выйти за пределы тела, то это означает, что он не просто тело, а что-то еще сверх этого. Это «сверх этого» становится измерением для субъектно-объектного движения «внутри». Аналогично этому, если человек только ум и ничего более, то никакая трансценденция невозможна. Тогда человек умственно болен. Если он собирается излечить ум, то психоанализ бесполезен. А выход за пределы ума является очень трудным, потому что человек должен осознать механизм работы ума, чтобы быть способным растворить его полностью с его субъектно-объектным разделением.

Ощущение того, что человек находится в теле, дает лишь ум. Если он выходит за пределы ума, то он не сможет сказать, находится он в теле или вне его. Он просто будет здесь, не внутри и не снаружи. И «внутри», и «снаружи» являются относительными (феноменальными) терминами, связанными с дуальной природой ума. Человек просто будет здесь и сейчас. Это и есть трансценденция.

Западная философия и психология обеспокоены тем, как обуздать ум, и всегда пытаются «достичь» этого многими чисто рациональными способами. Но до сих пор ни одно средство не действует. В современной философии очень много направлений, изучающих человека, его «Я», это с точки зрения выхода из душевного кризиса. В настоящее время психоанализ является мертвым движением. Существуют новые движения – группы совместной терапии, групповая психология, психология действия, глубинная психология – но так же, как и психоанализ, они являются мертвыми движениями. Почему? Это потому, что, оставаясь в пределах рационализирующего ума, самое большее психологи (а кто здесь сами анализирующие?) могут разработать рациональные приспособления и способы объяснения. Изготавливать приспособления для обуздания ума – это ловушка для того же ума.

Рациональное начало в познании не должно абсолютизироваться. Наука произрастает из диалектического ума, основу которого составляют количественные характеристики бытия. Еще Кьеркегор выступал с попыткой противопоставить гегелевской объективной и «количественной» диалектике принципиально иную – субъективную и «качественную» диалектику или «диалектику существования», «экзистенциальную диалектику». В противоположность гегелевской «качественная» диалектика должна исходить не из объективных и исчисляемых «количественных» предпосылок, но из предпосылок, принципиально «необъективируемых» и, следовательно, неопределяемых, неисчисляемых, чисто «качественных». К ним он относит те из «интимно-личных» переживаний, которые не поддаются никакой объективизации и потому невыразимы и неизреченны. Очень часто у ученых так называемая «чистая», «объективная», «всеохватывающая» наука основана на количественных измерениях. Они выдвигают совокупность совместимых и несовместимых друг с другом правил, и все то, что ускользает от них как качественная экзистенциальная проблема (любовь, страх, добро, зло как ценностно ориентирующие понятия), отбрасывается в сторону, поскольку оно не принадлежит полю их исследования. Это односторонний, односторонний взгляд – он в принципе не может охватить Целое. Науки, основанные чисто на интеллекте, являются центробежными от экзистенциальных проблем субъекта, ориентированными на объект, смотрящими объективно на вещь, выр-

ванную ими из Целого для его исследования. Во многих случаях даже философия или психология, ориентированные на исследование самого субъекта, самой личности, по способу их исследования остаются рациональными, объективными, количественными и субъектно-объектно ориентированными. Тем самым науки занимают позицию, согласно которой объект, вещь всегда дистанцированы от «самости», «экзистенции» ученого, субъекта, что приводит к заблуждению, что в науке всегда должна быть четкая граница, отделяющая субъекта (познающего, ученого) от объекта (познаваемого). Подобное разделение и противопоставление субъекта и объекта – рационализм, базирующийся только на разуме и опирающийся на ум, не позволяет создать целостную философскую систему, которая отвечала бы потребностям всех ученых исключительно.

И рациональная и трансинтеллигибельная стороны познания, объясняющие как мир явлений, так и мир идеальных ценностей, имеют равное право на существование, но нельзя абсолютизировать ни одну из них. Иначе говоря, нельзя упускать из виду обе диалектические стороны – разум (мышление, науку) и неразумие (трансинтеллигибельное), которое наука с успехом пытается включить в сферу своего исследования. Любая форма рациональности, какой бы гибкой и утонченной она ни была, не может охватить в себе большинство социокультурных явлений. Человеческие и этические ценности не могут целиком основываться на научном мышлении. Тем самым, как видим, роль последнего для познания социальных явлений не отвергается, но подчеркивается, что данные явления не могут быть «целиком схвачены» только и исключительно научным мышлением. В. Гейзенберг считал неверным мнение, согласно которому в науке есть только логическое мышление. На деле не последнюю, а иногда и решающую роль в науке играет фантазия, интуиция. По-

этому путем только рационального мышления и его методов никогда нельзя прийти к истине. «Безусловно, глубокое размышление, основанное на чисто рациональных аргументах, может предохранить нас от многих ошибок и заблуждений, так как оно предполагает учет новых условий и потому может стать необходимой предпосылкой жизни. Однако... даже важнейшие решения в жизни всегда, пожалуй, содержат неизбежный элемент иррациональности» [3]. Но в избавлении от рационализма и интеллектуализма наука не должна заходить слишком далеко. А именно она не должна впадать в другую крайность: в абсолютизацию трансинтеллигибельного. Нельзя не согласиться с В.С. Швыревым, который справедливо отмечает, что «...не пытаюсь подменить и вытеснить все другие формы отношения к миру, рациональное сознание и в наше время выступает в качестве необходимой культурной ценности, призванной способствовать внутренней самодисциплине и ответственности человека перед лицом объемлющей его реальности» [4].

Таким образом, хотя наука в сущности своей рациональна, в ней всегда присутствует трансинтеллигибельный компонент, в том числе и в ее методологии, что особенно характерно для социально-гуманитарных наук. Это и понятно: ведь исследователь – это человек со всеми своими достоинствами и недостатками, пристрастиями и интересами, эмоциями. Они и выступают существенными необходимыми элементами познания ценностей; это особенно ясно видно в области эстетических и этических ценностей. Однозначно человек, будучи целостным существом, в любом познании выступает целиком, со всеми своими чувствами и интеллектом. Однако в теоретическом познании эмоции играют второстепенную роль. В познании же ценностей чувство ценности – это первичная психическая данность, и она никак не оторвана от интеллекта.

Список использованной литературы:

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М., 1958. – С. 71.
2. Нерожденный. Жизнь и учение мастера дзэн Банкэя. Перевод с англ. Сигова П.П. – СПб.: Евразия, 2000. – С. 54; 212.
3. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука, 1989. – С. 301.
4. Швырев В.С. Рациональность в современной культуре // *Общественные науки и современность*. – 1997. – №1. С. 115.